

На правах рукописи

Кожевникова Мария Анатольевна

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЛЬТИЛИНГВИЗМ
В ЯЗЫКЕ ПИСАТЕЛЯ-ЭМИГРАНТА Б. ХАЗАНОВА**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Красноярск – 2016

Работа выполнена на кафедре русского языка, литературы и речевой коммуникации ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

- Научный руководитель:** доктор филологических наук, профессор
Григорьева Татьяна Михайловна
- Официальные оппоненты:**
- Осипов Борис Иванович,**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Омский государственный
университет имени Ф.М. Достоевского»,
кафедра иностранных языков, профессор
- Колесова Наталья Васильевна,**
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Красноярский
государственный педагогический
университет имени В.П. Астафьева»,
кафедра английского языка, доцент
- Ведущая организация:** Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт русского
языка имени В.В. Виноградова Российской
академии наук

Защита диссертации состоится 7 декабря 2016 года в 15⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 999.016.04 на базе ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», ФГБОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» по адресу: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, корп. 9, ауд. 4-02

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» и на сайте организации [http:// www.sfu-kras.ru](http://www.sfu-kras.ru).
Автореферат разослан «__»_____2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Веренич Татьяна Константиновна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Прецеденты взаимодействия разных национальных языков в едином художественном пространстве текста существуют с момента зарождения художественной литературы. В научном освещении этот феномен принято называть *литературный, художественный* или *творческий мультилингвизм*. Распространенный в мировой литературной практике, художественный мультилингвизм реализуется в разных формах и способах, среди которых можно обозначить и иноязычные единицы, выступающие элементом другой культуры, способом её выражения. Писатели и поэты активно обращаются к этому выразительному средству для достижения различных целей. Отдельное развитие данный феномен получил в художественной литературе русского зарубежья.

Степень научной разработанности проблемы. Иноязычия как компонент художественного мультилингвизма стали предметом изучения многих отечественных исследователей, среди которых В.В. Виноградов [1982], Ю.Т. Листрова [1979], М.П. Алексеев [1981], П.Р. Заборов [1981], А.Г. Коваленко [1986], Э.А. Григорян [1997], Н.Л. Васильев и Е.В. Савина [2000], С.Г. Николаев [2006], Е.В. Макеева [2008], К.В. Западная [2010] и др.

При этом отдельную область исследования составляют иноязычия как проявление мультилингвизма в языке эмигрантов. Стоит отметить, что изучение функционирования и развития русского языка в эмиграции за последние годы не потеряло своей актуальности. Работы в этой области содержат результаты исследования, основанные на анализе языковых изменений в условиях эмиграции, обусловленных влиянием другой языковой системы [Земская, 1972; Караулов, 1992; Голубева-Монаткина, 1993; М.Я. Гловинская, 2001].

Изучая художественный мультилингвизм литературы русского зарубежья, лингвисты выделяют следующий круг проблем:

- взаимоотношение двух языковых и культурных систем в литературном языке писателя-би/мультилингва [Балеевских, 2002];
- синтаксическую интерференцию в письменной речи писателя-би/мультилингва [Григорьев, 2005];
- эволюцию литературного би/мультилингвизма [Ивашенко, 2004];
- влияние би/мультилингвизма писателя на литературное творчество [Маслова, 2008].

Существует несколько работ, посвящённых непосредственно анализу иноязычных элементов в языке писателей-эмигрантов [Чигирин, 2002; Тищенко, 2005]. Однако большинство исследований направлено на изучение языковых явлений в текстах писателей-эмигрантов первой волны. Лингвистические же исследования языка писателей-эмигрантов третьей волны, не так многочисленны [Колесова, 2005; Пелих, 2007; Большакова, 2008; Руженцева, 2014], что послужило одной из главных предпосылок обращения к данной теме.

Б. Хазанова относят к писателям третьей волны эмиграции. Его жизненный и творческий путь наполнены множеством кардинальных перемен, и наиболее значимой среди них является эмиграция в Германию после полувекового

проживания в Советском Союзе. Мировосприятие автора формировалось под влиянием нескольких европейских культур, что не могло не найти отражения в его языке и проявилось в первую очередь большим количеством иноязычий, которые позволяют читателю дополнить представления о его мироощущениях, т. е. о мире, видимом в особой проекции. Его тексты, таким образом, представляют особую значимость для изучения художественного мультилингвизма.

Актуальность темы обусловлена тем, что проза Б. Хазанова остаётся малоизученной вообще и с лингвистической точки зрения – в частности. Имеющееся исследование ограничивается отдельными наблюдениями и замечаниями, затрагивающими литературные особенности произведений автора: «отношения литературы и памяти» в эмиграции [Тихомирова, 2000]. Кроме того, язык Б. Хазанова представляет особый интерес как язык эмигранта, поскольку в условиях иноязычного окружения русский язык эмигрантов в результате контакта с иноязычным языковым материалом подвергается значительному влиянию. Практически неизбежным в этом случае становится включение в их речь элементов иностранных языков. Анализ иноязычий в языке автора позволяет проследить сложившиеся особенности их использования и оценить степень влияния иноязычного окружения не только на его язык. Помимо выявления общих закономерностей в языке писателя, свойственных ему как представителю третьей эмигрантской волны, исследование направлено на изучение индивидуально-авторской специфики использования иноязычий, проявляющейся в способности автора раскрыть потенциальные возможности таких единиц, актуализировать их новый, неожиданный смысл.

Материалом исследования стали тексты более 100 повестей и рассказов, а также тексты 12 романов Б. Хазанова, созданные в разные периоды творчества:

- «Час короля» (1976); «Я Воскресение и жизнь» (1976);
- «Антивремя» (1985);
- «Нагльфар в океане времен» (1993);
- «После нас потоп»(1995);
- «Хроника N» (1996),
- «Аквариум» (1999);
- «Далекое зрелище лесов» (2001);
- «К северу от будущего» (2003);
- «Вчерашняя вечность» (2008);
- «Плюсквамперфект и другие времена» (2008);
- «Взгляни на иероглиф» (2012).

Общее количество исследуемых иноязычий составило около 1000 единиц.

Объект исследования – художественный мультилингвизм как художественно-изобразительный компонент текста.

Предмет изучения – особенности художественного мультилингвизма в языке Б. Хазанова.

Цель исследования – выявить иноязычные элементы в языке писателя, определить особенности их употребления в пределах художественного текста.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

- 1) выявить индивидуально-авторскую специфику иноязычий как составляющую художественного мультилингвизма;
- 2) определить функциональные особенности иноязычных элементов в тексте, установить причины, способствующие актуализации смысла;
- 3) рассмотреть иноязычия в языке писателя как важные составляющие языковой картины мира автора;
- 4) провести сопоставительный анализ компонентов художественного мультилингвизма: установить качественно-количественный состав иноязычий в разные периоды творческой деятельности автора;
- 5) определить способы введения иноязычий в текст;
- 6) определить обуславливающие факторы в выборе иноязычий.

Научная новизна состоит в том, что впервые был проведён развёрнутый анализ функций иноязычий в языке Б. Хазанова, дающий реальные представления о существующих тенденциях в русском литературно-художественном языке эмиграции. Помимо этого, были выявлены специфические особенности введения иноязычий в текст, используемые автором как действенный приём для достижения авторского замысла. Одним из результатов данного исследования можно обозначить словарь иноязычий в языке Б. Хазанова. Словарь содержит графико-орфографические иноязычия, не прошедшие фиксацию в русскоязычных словарях иностранных слов. Являясь отражением индивидуальных особенностей автора как языковой личности, словник словаря раскрывает авторскую самобытность. Ряд языковых единиц, представленных в словаре, передаёт специфику социально-культурной среды писателя. Реализуя функцию комментария к художественной прозе автора, указанный словарь поможет раскрыть значение многих на сегодняшний момент малоупотребительных иноязычных единиц в языке метрополии.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что результаты проведённого исследования представляют определённую ценность, поскольку вносят вклад в теорию художественной речи, в разработку проблемы художественного мультилингвизма и обнаруживают специфику функционирования иноязычий в художественном тексте. Исследование освещает явление художественного мультилингвизма в коммуникативно-художественном пространстве представителей русского зарубежья в его социолингвистической обусловленности.

Практическая ценность исследования определяется тем, что результаты его будут включены в общие и специальные курсы социолингвистики, психолингвистики, лингвостилистического анализа художественного текста и др. Они будут служить основой для дальнейшего изучения языка писателей-эмигрантов.

Методы исследования. В работе используется преимущественно функциональный подход к изучению материала, что позволяет рассмотреть особенности функционирования иноязычий в языке Б. Хазанова. При анализе динамики употребления иноязычий в языке автора для установления закономерностей и изменений, происходящих в качественно-количественном составе иноязычий в разные периоды творчества автора, осуществляется диахронический подход.

В качестве частных **методов и приёмов** исследования использовались:

- методы морфологического, синтаксического, графико-орфографического анализа иноязычий;
- метод обобщения словарных дефиниций и контекстуального анализа для описания семантики иноязычий;
- прием сплошной выборки практического материала исследования;
- квантитативные методы анализа данных для выявления статистических параметров иноязычий, входящих в состав авторского словаря.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Творчество Б. Хазанова может служить классическим проявлением художественного мультилингвизма.

2. К общим закономерностям, отмеченным в языке Б. Хазанова в их сопоставлении с другими писателями третьей волны эмиграции, можно отнести:

- преимущественное употребление иноязычий в функции создания национального колорита;
- стереотипное использование иноязычий в характерологической функции;
- усиление прогностической функции включением интертекстуальных единиц.

3. Индивидуально-авторскую специфику употребления иноязычий формируют:

- актуализация у экзотизмов переносного значения;
- использование терминов для эвфемистических замен;
- калькирование урбанонимов.

4. Широкий спектр проявления личности писателя заключается в использовании терминологии из разных областей знаний. Гармоничное сочетание научных понятий с художественным мировидением образует неповторимый комплекс образного мироощущения.

5. Доминирование иноязычий в исходной графике с нулевой или частичной ассимилированностью к русскоязычному контексту, а также отсутствие

производных окказионализмов от иноязычных основ может характеризовать автора как личность с высокой языковой культурой. Это выделяет его среди писателей-эмигрантов третьей волны и обнаруживает общность с творчеством писателей-эмигрантов первой и второй волн.

6. Определяющая роль в развитии художественного мультилингвизма автора отводится иноязычному окружению периода эмиграции.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были изложены в докладах и сообщениях на научных конференциях и заседаниях кафедр:

- Международная научно-практическая конференция, посвящённая 210 В.И. Даля (г. Красноярск, 2011);
- VI Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы изучения языка и литературы: стратегии развития языка, литературы, культуры в системе гуманитарного знания» (г. Абакан, 2011);
- Международная научно-практическая конференция «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIII Кирилло-Мефодиевские чтения» (г. Москва, 2012);
- Международная научно-практическая конференция «Диалог культур в аспекте языка и текста» (г. Красноярск, 2012);
- Международная научно-практическая конференция «Язык – духовное наследие» (г. Красноярск, 2012);
- Международная научно-практическая конференция «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIV Кирилло-Мефодиевские чтения» (г. Москва, 2013);
- Дни русской словесности «Бессмертие народа – в языке» (г. Красноярск, 2010);
- Кафедра русского языка и речевой коммуникации (г. Красноярск 2010 – 2012);
- Научно-учебная лаборатория «Международная коммуникация» ИУБПЭ СФУ (г. Красноярск, 2010 – 2015).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается общая характеристика диссертационного исследования: обосновывается актуальность темы и ее научная новизна; определяются объект и предмет исследования; формулируются цель и задачи; характеризуются методологическая основа, теоретическая ценность и практическая значимость результатов исследования.

Первая глава «Теоретические основы исследования художественного мультилингвизма» представляет собой теоретическую платформу исследования художественного мультилингвизма и его компонентов (иноязычий).

В параграфе 1.1. «Проблематика художественного мультилингвизма в лингвистике XX – XXI вв.» уделяется внимание вопросу изучения мультилингвизма в литературно-художественном аспекте. Отмечается, что как одна из разновидностей мультилингвизма художественный мультилингвизм имеет несколько признаков, которые позволяют выявить индивидуальные особенности в языке и стиле писателя-мультилингва, представить его язык в широком литературно-языковом контексте.

Компонентами мультилингвизма принято считать языки, которыми владеет полилингвальный человек. В художественной литературе в качестве компонентов художественного мультилингвизма могут рассматриваться иноязычия, поскольку классическое проявление художественного мультилингвизма заключается во введении в художественный текст элементов из иных языков, отличных от языка, на котором творит писатель.

В параграфе 1.2. «Иноязычие как компонент художественного мультилингвизма» приводится краткий обзор существующих терминов для обозначения иносистемных явлений, привлекаемых в русский язык из других языков, обосновывается использование в данной работе термина «иноязычие».

Проведённый анализ лингвистических работ, направленных на изучение различных аспектов иноязычий в пределах художественного текста, выявил существующее множество подходов в интерпретации этого лингвистического явления. Так, наряду с термином «заимствование», продуктивно используются термины «иноязычное вкрапление», «варваризм», «экзотизм». И у разных лингвистов смысловое наполнение этих терминов варьируется. Принимая во внимание, что подобное разночтение затрудняет использование этих терминов, в данной работе была предпринята попытка их более чёткой дифференциации. Помимо этого, для дальнейшего анализа иноязычного материала используется понятие «иноязычие», которое рассматривается в широком смысле и включает иноязычные языковые элементы с различной степенью ассимилированности в современном русском языке: от иноязычных единиц в русской и исконной графике, интернациональных терминов, иноязычных историзмов до калек, поскольку в русском контексте они являются иносистемными элементами.

Параграф 1.3. «Прагматика иноязычия» посвящён исследованию теоретических предпосылок к анализу прагматических характеристик иноязычных элементов. Такой анализ предоставляет возможность выявить степень и образ воздействия этих единиц на адресата, изучить индивидуальные особенности автора произведения, преследуемые им цели и задачи при включении иноязычий в текст.

В следующем параграфе «Иноязычие в тексте как фактор художественной значимости» предлагается краткий обзор случаев художественного мультилингвизма в литературно-художественной практике. К одним из ранних наиболее известных примеров можно отнести древние шумеро-аккадские тексты. Принципом смешения греческого и латинского языков в пределах одного стихотворных текстов руководствовался римский поэт Авсоний (ок. 310 – 395). В XV в. опыт Авсония переняли итальянцы, создавая стихи, содержащие наряду с

латинским элементы разговорного итальянского языка. Функции иноязычных компонентов варьировались от текста к тексту в зависимости от того, какие цели преследовал автор в каждом конкретном случае.

Параграф 1.4.1. «Иноязычие в литературе на русском языке» посвящен изучению этапов активного использования иноязычных единиц в художественной литературе на русском языке. Если до начала XVII в. иноязычия были жанрово-стилевой особенностью «Хождений», то ситуация в корне меняется с приходом к власти Петра I, когда литераторами создаются тексты, насыщенные иноязычными элементами. Следующий «всплеск» использования иноязычий в отечественной литературе (как результат распространившегося влияния французской культуры) приходится на начало XIX века. В начале XX в. иноязычия становятся особенно актуальными для поэтической речи. Резкое сокращение иноязычий в текстах в послереволюционное время обусловлено идейно-политическими причинами. Ситуация несколько меняется после Великой Отечественной войны, когда возникают условия для использования вкраплений из немецкого языка. Однако в общей тенденции европеизмы сменяются на иноязычия из республик СССР (украинизмы, тюркизмы). Период активного обращения к иноязычиям приходится на начало перестройки, и об этом свидетельствуют многие поэтические и прозаические тексты разных авторов.

Иные традиции отбора и употребления иноязычий сложились в литературе русского зарубежья. В ограниченном использовании иноязычных единиц прослеживается попытка писателей первой и второй волн оградить русский язык от иноязычной экспансии, сохранить потомкам исконную русскую речь. Через художественную литературу они стремились подчеркнуть своё происхождение, «русскость». Ситуация полностью меняется с появлением нового поколения писателей – писателей-эмигрантов третьей волны. Неприятие советской власти и советского строя побудило их к скорейшей интеграции в новую языковую среду, что проявилось в языке художественной литературы в виде многочисленных иноязычных вкраплений и варваризмов.

Во второй главе «Функциональные особенности иноязычия как составляющей мультилингвизма в художественном творчестве Б. Хазанова» рассматриваются функции иноязычий и основные способы их введения в текст.

В разделе «Функции иноязычия как средства выражения художественного замысла» проводится анализ иноязычий в функционально-стилистическом аспекте. Полученные результаты анализа позволяют судить о разнообразии функционального репертуара этих элементов в художественных текстах писателя. Иноязычные единицы реализуют несколько функций, среди которых можно выделить:

- 1) функцию создания исторического колорита;
- 2) функцию создания национального колорита;
- 3) функцию характеристики персонажа;
- 4) эмоционально-оценочную функцию;
- 5) функцию языковой игры;

- 6) эвфемистическую функцию;
- 7) функцию отражения языковой картины мира писателя;
- 8) прогностическую функцию.

Неравномерное распределение иноязычий по реализующим ими функциям в языке Б. Хазанова стало результатом нескольких факторов.

Наиболее частотны иноязычные единицы в функции создания национального колорита (31 %), что обусловлено большим количеством произведений (примерно 30 %), тема которых соотносится с эмиграцией и проживанием за границей. Отобранный в ходе исследования языковой материал позволил выделить две большие группы: 1) онимы и 2) апеллятивы, т. е. те лексические единицы, которые отражают особенности повседневного быта.

Иноязычные онимы как отдельные детали, соединяясь воедино, образуют декорации, воссоздающие образ инороссийской действительности, на фоне которых разворачиваются события. Преимущественно в создании национального колорита участвуют:

- урбанонимы – названия внутригородских объектов (*Фосс-штрассе* – от нем. *Vosstraße* – улица в центре Берлина; *Bateau-Lavoir* – франц. корабль-прачечная, плавучая прачечная – общежитие на Монмартре, где жили многие всемирноизвестные французские художники; *церковь Святого Сердца* – от франц. *Basilique du Sacré Cœur* – католический храм в Париже);

- эргонимы – названия предприятий, фирм, компаний (*Glockenspiel* – нем. *Glockenspiel* – знаменитое кафе в Мюнхене; *Credit Lyonnais* – франц. Лионский кредит – один из крупнейших коммерческих банков Франции);

- антропонимы (*Herr Ludwig Graf Seydlitz-Gumbinnen* – нем. господин Людвиг граф Зейдлиц Гумбиннен – немецкое мужское имя; *Грете* – от нем. *Grete* – сокращённая форма женского имени *Margerete*, популярная в Германии);

- агионимы – названия предметов и явлений из религиозной сферы (*Рош га-шан* – ивр. праздник Новолетия, или Новый год; *День Киппур* – ивр. День искупления или Судный день).

Среди иноязычных апеллятивов можно выделить следующие подгруппы:

- 1) дом/квартира/жилые (*апартамент* – от нем. *Apartment* – квартира в жилом доме гостиничного типа; *Schlößchen* – нем. небольшой замок);

- 2) обращения, нормы этикета, восклицания (*Schatz* – нем. дорогая; *Prost* – нем. на здоровье!, ваше здоровье!; *Parbleu* – франц. чёрт!);

- 3) объявления, надписи (*Geschlossene Gesellschaft* – нем. закрытое общество; *Apollini musisque redittum (sic)* – лат. возвращено Апполону и музам).

Темой эмиграции и описания внероссийской действительности детерминировано сравнительно частотное использование иноязычий в функции характеристики персонажа (около 15 %). Традиционно иноязычными элементами насыщена речь иностранцев. Основополагающая задача таких единиц заключается в указании на национальную принадлежность действующих лиц. Помимо этого, иноязычия продуктивно используются в речи русскоязычных

персонажей. Как правило, это галлицизмы в графике языка-источника, которым свойственно стереотипное употребление, поскольку традиционно в русском представлении французский язык связан с аристократией и творческой элитой. В речи подобных героев наиболее многочисленны восклицания (*voilà* – франц. вот так!; *vraiment* – франц. право же; *mais c'est incroyable* – франц. это уму непостижимо), обращения (*ma che`re* – франц. моя дорогая; *taman* – франц. мама) и этикетные слова (*pardon* – франц. простите; *adieu* – франц. прощайте). В отдельную группу следует выделить иноязычные элементы, характерные для речи русскоязычных действующих лиц, которые на должном уровне не владеют иностранным языком (*гепр полицист* – от нем. Herr Polizist – господин полицейский; *Яволь. Айн момент* – от нем. Jawohl. Ein Moment – конечно, одну минуту).

В работе отмечается, что отдельные произведения исторической тематики включают определенное количество иноязычных слов и выражений (11 %) в функции создания временного колорита. Стоит отметить, что исторический колорит в языке автора создают в большинстве случаев иноязычные архаизмы и историзмы. Так, в рассказе «Идущий по воде» автор не только заимствует сюжет из Нового завета, адаптируя его к современной литературной форме, но и строго следует топонимическим описаниям из Библии, придавая фактам достоверность (*Капернаум* – ивр. селение Наума – город, находившийся на западном берегу Тивериадского озера; *Генисаретское озеро* – ивр. другое названия Галилэйского моря, а в современном Израиле озера Кинерет). В рассказах с исторической тематикой «Пока с безмолвной девой» и «Ночь Египта» используются латинизмы и грецизмы, характерные для изображаемых эпох (*атриум* – от лат. ater – темный, черный – закрытый внутренний дворик в центре древнеримского жилища, куда выходили остальные помещения; *принцепс* – от лат. princeps – первый в списке древнеримских сенаторов).

Историзмы частотны в текстах, повествующих о событиях Второй мировой войны. Для формирования картины военной действительности автор вплетает в текст немецкие лексемы, называющие воинские чины, звания, организации (*гауптштурмфюрер* – от нем. Hauptsturmführer – капитан войск СС в фашистской Германии; *унтерштурмфюрер* – от нем. Untersturmführer – лейтенант войск СС в фашистской Германии; *Sonderkommando* – нем. спецподразделение СС).

Относительно малое число иноязычий в прогностической функции (5 %) обусловлено, вероятно, двумя причинами. Прогностическую функцию в языке автора выполняют преимущественно иноязычные элементы, расположенные в заглавии или эпиграфе, в краткой форме отражая программу литературного произведения. Однако для облегчения восприятия информации в заглавии автор отдаёт предпочтение средствам русского языка, на что косвенно указывают названия-цитаты, восходящие к иноязычным источникам, но переведённые на русский язык. Эпиграфы же в языке автора не столь распространены. Для реализации прогностической функции используются преимущественно интертекстуальные единицы (цитаты и философские понятия), поскольку они способны акцентировать внимание на главной идее текста, выявить новый смысл,

возникший в результате наложения и смещения прежних смыслов. Часто для изменения исходного смысла цитаты подвергаются преобразованиям и редукции. Название одной из глав «*Femme de treize ans*» (франц. тринадцатилетняя женщина) романа «Нагльфар в океане времён» перекликается с произведением О. Бальзака «Тридцатилетняя женщина». Подобная трансформация сопоставляет эмоциональное состояние угловатой девочки-подростка с переживаниями «женщины бальзаковского возраста».

Такое же количество иноязычий используется в эмоционально-оценочной функции (5 %). Актуализируя свойство некоторых иноязычий, заключающих в себе эмоциональную оценку, автор предлагает читателю субъективную точку зрения на рассматриваемое явление или предмет, оказывая тем самым определённое воздействие, которое должно вызвать у читателя соответствующие эмоциональные впечатления. В выражении пейоративной оценки доминирующую роль играют медицинские и биологические номенклатуры (*гипертрофия* памяти – др.-греч. увеличение объёма и массы органа, клеток под влиянием различных факторов; *пиемия* русского языка – лат. гнойное заражение крови). В рамках научного стиля медицинским терминам, номинирующим недуги, свойственна нейтральность, поскольку их главное назначение заключается в передаче значимой объективной информации. Пейоративная модальность в ненаучном тексте связана с особенностью в ассоциативном восприятии таких лексем, которые, как правило, у простых обывателей вызывают негативные эмоции. Среди иноязычных элементов с мелиоративной оценкой ведущую позицию в языке автора занимают обращения (*Frau Gräfin* – нем. графиня; *Frau Baronin* – нем. баронесса). На современном этапе развития немецкого языка при обращении к знатной персоне лексема «*Frau*» опускается, хотя в ранние времена одновременное употребление слова «*Frau*» с титулом акцентировало внимание на больших заслугах индивидуума. Вероятно, подобное сочетание лексем в текстах Б. Хазанова отражает почтительное отношение персонажей к героям.

Общее количество иноязычий в качестве компонентов языковой игры составляет 5% по отношению к другим функциям. Основное назначение иноязычных единиц этой функциональной группы в художественной прозе других писателей-эмигрантов заключается в акцентировании внимания читателей на особенностях русскоязычных персонажей, проживающих за границей, необычных условиях и ситуациях, которые их окружают. Однако у Б. Хазанова большинство персонажей-эмигрантов являются интеллигентами, которым свойственна высокая степень языковой рефлексии, поэтому иноязычные метаморфозы в их речи отсутствуют. Причем в общей совокупности приёмов языковой игры, характерных для авторского словоупотребления, преобладающее большинство образуют цитация и метафорические номинации. В романе «Хроника N» автор применяет цитату «*Poor Жорик*» (англ. бедный), восходящую к трагедии У. Шекспира «Гамлет». Цитата представляет собой знаменитые слова принца «*Poor Yorick!*» (англ. бедный Йорик), подвергшиеся некоторым изменениям. Языковая игра в данном случае основана на созвучии английского и русского имён. Для наибольшего сходства с английским антропонимом к

русскому имени автор добавил диминутивный суффикс -ик-, что усиливает комический эффект.

Нередко метафоризации подвергаются абстрактные понятия. Такой приём привлекает внимание к значимым в содержательном плане элементам. В романе «Вчерашняя вечность» один из персонажей сопоставляет коррупцию с драконом «*Фафнером*» (в скандинавской мифологии один из двух братьев-карликов, который убил отца, чтобы завладеть золотым кладом; принял образ дракона и стал хранителем золота), намекая на невозможность искоренить эту социальную проблему.

Для обозначения предметов и явлений из интимной сферы автором привлекаются обычно прямые номинации, поэтому число эвфемизмов незначительно (0,4 %). Исключение представляют мужские заболевания (*Locus minoris resistentiae* – лат. место наименьшего сопротивления, слабое место) и физиологические процессы, свойственные женскому организму (*регулы* – от лат. *regula* – менструация). Непрямая номинация встречается при обозначении наркотиков (*штоф* – от нем. *Stoff* – наркотик).

Отдельно стоит отметить, что более четверти иноязычий служит отражением языковой картины мира автора. Объясняется это тем, что одну из доминирующих позиций в его языковой картине мира занимает немецкий язык, представленный через призму художественной литературы. Так, цитатами из «Фауста» пронизан роман «К северу от будущего». Особое место отводится французской литературе, о чём свидетельствуют многочисленные цитаты из произведений французских писателей. Крылатые выражения, играющие роль культурных символов, определяют сферы, пользующиеся у автора повышенным интересом:

- 1) смысл человеческого бытия;
- 2) отношения между мужчиной и женщиной;
- 3) тоталитарный режим;
- 4) религия.

Своеобразие языковой картины мира Б. Хазанова формируется использованием терминологии в художественной прозе, поскольку автору удаётся органично сочетать научное знание с художественным мировосприятием, что создаёт самобытную систему образного мироощущения. Филологические термины, медицинские и биологические номенклатуры отражают специфику образования и профессиональной деятельности автора (*psilocibe mexicana* – лат. галлюциногенный гриб; *pluralis majestatis* – лат. местоимение множественного числа, применяемое высокопоставленными персонами вместо местоимения «я»; *умбиликус* – лат. пуп).

Музыкальные термины в совокупности с шахматными и философскими информируют о широком круге его интересов (*andante con moto* – итал. удобно, непринуждённо, неспеша; *presto* – итал. быстро; *эндшпиль* – от нем. *Endspiel* – заключительная часть шахматной партии; *a posteriori* – лат. основанный на опыте и др.). Номенклатуры из области кулинарии могут характеризовать автора как ценителя изысканных блюд (*coniglio arrasto alla ligure* – итал. жареный кролик

по-лигурийски; *abbachio alla romana* – итал. римский молочный барашек под соусом; *cima alla genovese* – итал. фаршированный ягненок по-генуэзски и др.).

Основные способы введения иноязычий в языке автора перечислены в разделе 2.2.

При графическом оформлении иноязычий в русском тексте автор руководствуется традиционными принципами:

- 1) введение иноязычий в текст в исконном графическом облике;
- 2) посредством транскрипции и транслитерации;
- 3) сочетание двух графических систем (латинской и кириллической) в пределах одной лексемы.

Наиболее частотны иноязычия в их исконном графико-орфографическом облике, и это обусловлено рядом причин. Среди единиц этой группы наиболее частотны цитаты (*Er stand vom Schreibtisch auf... Th. Mann. Schwere Stunde* – нем. Он встал от письменного стола...Т. Манн. «Трудный час». Перевод Б. Хазанова). Поскольку они вводятся в текст для актуализации авторской мысли, их «чужеродная» для русскоязычного контекста графика фокусирует внимание на наиболее значимом фрагменте. В латинском облике крылатых слов и выражений (*tu eram ego eris* – лат. я был тобой, ты будешь мною), а также естественнонаучных номенклатур (*pavor nocturnus* – лат. ночной испуг – особая форма расстройства сна) отражаются сложившиеся традиции их употребления. Транслитерация и транскрипция в большей степени свойственна иноязычным историзмам и экзотизмам (*фрейгер* – от нем. *Freiherr* – барон; *Остзее* – от нем. *Ostsee* – Балтийское море; *фольксштурм* – от нем. *Volkssturm* – немецкое народное ополчение, созданное нацистским правительством в последние месяцы Второй мировой войны; *Бербель* – от нем. *Bärbel* – немецкое женское имя). Единицы этой группы менее многочисленны и составляют приблизительно 32 % от общего числа. В языке автора единичны слова-гибриды (*С-Дир-ная* – от лат. *S-Dur* – аналог музыкального термина *До мажор*), которые считаются распространённым явлением в эмигрантской среде.

В некоторых случаях применяются дополнительные графические средства для выделения иноязычных элементов: *кавычки, курсив, капитализация*. Причем к наиболее частотным следует отнести курсив и кавычки, поскольку основное предназначение этих графических средств заключается в разграничении «своего» – «чужого». На «инородность» для системы русского языка иностранных реалий в кириллическом облике указывают кавычки (*дирндль* – от нем. *Dirndl* – баварский женский наряд). Этой же цели служит курсивное оформление иноязычных эпиграфов и цитат. Капитализация иноязычных элементов применяется автором в единичных случаях для функционально-стилистической дифференциации контекста (*WEHR DICH ODER STIRB* – нем. защищайся или умри).

Среди морфологических способов введения иноязычий автор отдаёт предпочтение единицам с нулевой или частичной ассимилированностью в русскоязычном контексте. Прежде всего, это самостоятельные иноязычные предложения, введённые в русский текст без каких-либо изменений (*Veillez avoir*

l'obligeance de ne pas técrе vos piеds sur le canapé (sic) – франц. Убедительная просьба не забираться с ногами на диван). Кроме того, в данную группу входят обращения, восклицания, этикетные слова и выражения в исконной графике (*domnule professor* – рум. уважаемый профессор; *cheers* – англ. будем здоровы).

Обособленность и грамматическая самостоятельность у большинства указанных иноязычных единиц делают невозможным определение грамматических категорий, свойственных единицам русского языка. Иноязычные вкрапления в исконной графике, подвергшиеся частичной грамматической ассимиляции, в большинстве случаев представлены существительными. Формальными признаками грамматической формы у этих единиц выступают вспомогательные русские лексемы (прилагательные, местоимённые прилагательные, глагол-сказуемое в форме единственного числа прошедшего времени, краткое причастие в составе именного сказуемого), с которыми они вступают в грамматическую связь (пресловутая *poésie de la nuit et du tombeau* – франц. поэзия ночи и могилы, мой *récit* – франц. рассказ, повествование; стоял *pavo cristatus* – лат. павлин обыкновенный; невозможен *experimentum crucis* – лат. опыт креста – эксперимент, в результате которого определяется верность теории).

Менее многочисленны иноязычные существительные в кириллическом облике и русском грамматическом оформлении. Подобные элементы полностью адаптированы к русской грамматике, являются носителями морфологического значения рода, числа и падежа, выраженных либо синтагматически (это какой-то *мешугенер* – от идиш. מִשְׁגָּעוּנֶר – сумасшедший; главную роль в ней сыграл *шамес* – от идиш. שַׁמֵשׁ – служитель при синагоге) либо морфологически (в звании *унтерштурмфюрера* – от нем. Untersturmführer – звание в СС, соответствовавшее званию младшего лейтенанта в вермахте). Индивидуально-авторское словообразование производных от иноязычной лексики не получило широкого распространения. В существующих случаях решающее значение отводится иноязычным аффиксам, которые автор интегрирует в корпус русской лексики (префикс «лейб» – от нем. «Leib» – состоящий при особе государя: *лейб-профессор* – личный профессор; *лейб-овчарка* – личная овчарка; *лейб-шофёр* – личный шофёр; префикс «эрзац» от нем. Ersatz – замена, употребляемый в русском языке в значении «неполноценный заменитель, суррогат» – *эрзац-валенки*).

Одним из способов введения иноязычий в текст можно обозначить калькирование. Были выделены следующие типы калек:

- словообразовательные кальки (*Великогермания* – от нем. Großdeutschland – непопулярное обозначение нацистской Германии; *волчья нора* – от нем. Wolfsschanze – главная ставка фюрера и командный комплекс Верховного командования Вооружёнными силами Германии в лесу Гёрлиц);
- семантические кальки (*тигр* – от нем. Tiger в значении «танки»; *вещь* – от нем. Stück в значении «музыкальное произведение»; *карта* – от нем. Karte в значении «проездной билет»);

- фразеологические кальки (*бросать цветок* – от нем. «Blume werfen» – фразеологизм восходит к библейскому изречению «Perle vor die Sau werfen» – метать бисер перед свиньями; *попасть в котёл* – от нем. «in den Kessel geraten» – попасть в окружение);
- синтаксические кальки (*делать проблему* – от нем. ein Problem machen – преувеличивать, утрировать).

Кальки передают специфику другой нации, культурные особенности иной страны. Но в некоторых случаях кальки выступают результатом длительного пребывания автора в иноязычной среде (*искать* добраться, *искать* вырваться – калькированный глагол «искать» восходит к немецкой конструкции «suchen» + zu + инфинитив», где значение глагола «suchen» эквивалентно значению «пытаться, стараться»). Эта закономерность прослеживается в произведениях позднего периода. Необходимо, однако, отметить, что кальки в языке автора – явление не столь распространённое, как другого типа иноязычия. Общее их число составляет не более 2 %. Такое соотношение объясняется вероятными трудностями в идентификации калек, часто проявляющих сходство с русскими новообразованиями.

В разделе 2.3. «Художественный мультилингвизм Б. Хазанова» анализируются условия и предпосылки формирования художественного мультилингвизма автора, приводятся данные о качественно-количественном составе иноязычий в разные периоды творчества.

Формирование художественного мультилингвизма автора происходило поступательно и во многом определялось внешними факторами. В раннем возрасте этому способствовала двуязычная среда, а в дальнейшем одним из решающих факторов стала его профессиональная деятельность. Так, обучение на факультете классической филологии открыли автору широкий доступ к первоисточникам древнегреческой и римской литературы. Медицинское образование способствовало появлению в языке автора большого количества медицинских терминов. Исключительным представляется влияние на развитие мультилингвизма иностранной литературы.

Однако наиболее важной предпосылкой формирования мультилингвизма можно считать эмиграцию. Нет сомнения в том, что иноязычное окружение оказало значительное влияние на художественное видение мира и язык автора. Адаптация к новым условиям предполагала неизбежное погружение в иностранную языковую и культурную среду, что впоследствии нашло отражение в создаваемых им произведениях. Данное утверждение подкреплено выводами, полученными в результате сравнительного анализа иноязычий в разные периоды литературной деятельности.

В творческом пути писателя выделяется 2 периода: доэмигрантский и эмигрантский. Количество произведений, созданных в эти два периода, различно. Число иноязычных единиц рассчитывалось по отношению к одной странице печатного текста. Анализ иноязычий, используемых в указанные периоды, позволил выявить общие закономерности:

- качественный и количественный состав иноязычий определяется, в первую очередь, сюжетной линией повествования, т. е. большое число иноязычий сопровождает произведения, изображающие за границу и эмиграцию. И, напротив, доля таких единиц в повествованиях на темы побега, лагеря, возвращения на Родину, российского уклада жизни и быта заметно меньше;
- наблюдается безусловное доминирование германизмов над иноязычиями из других языков.

Помимо этого, в эмигрантском периоде происходят некоторые изменения в принципах отбора и употребления иноязычий, не характерные для доэмигрантского периода:

- Заметно увеличивается число экзотизмов-окказионализмов. На смену ассимилированным в русском языке экзотизмам приходят иноязычия, номинирующие инороссийские реалии, малознакомые русскоязычному читателю и не зарегистрированные в русскоязычных словарях.
- Значительно уменьшается количество окказиональных вкраплений. Такие изменения обусловлены привлечением многочисленных иноязычных цитат из известных источников художественной литературы.
- Возрастает число случаев применения иноязычных терминов и варваризмов.
- Происходит очевидное сокращение использования терминов в их прямом значении. Автор расширяет возможности терминологической сочетаемости, включая их в непривычный контекст, что позволяет акцентировать внимание читателей на новых неожиданных признаках денотата.

Общее число иноязычий в эмигрантский период (более 800 иноязычных включений, т. е. 0,3 на одну страницу печатного текста) существенно превышает число иноязычий в доэмигрантский период (170 единиц, т. е. 0,16 на страницу печатного текста соответственно).

В заключении сформулированы основные выводы и намечаются дальнейшие перспективы исследования.

Проведенный анализ иноязычных элементов в языке Б. Хазанова позволил выявить индивидуально-авторскую специфику в употреблении иноязычий и определить его место среди других писателей-эмигрантов третьей волны.

Подавляющее большинство иноязычий автор использует в функции создания национального колорита, и эта же особенность наблюдается в языке таких писателей-эмигрантов, как В. Аксёнов, С. Довлатов, Д. Рубина. Бесспорно, что языковая принадлежность основного набора иноязычий определяется страной, в которой пребывает писатель-эмигрант. У В. Аксёнова и С. Довлатова – это американизмы, у Д. Рубиной – вкрапления из иврита. В языке Б. Хазанова в этой функции (при наличии нескольких языков) доминируют германизмы.

Другая общая особенность языка писателей-эмигрантов, среди которых Б. Хазанов занимает достойное место, заключается в стереотипном использовании иноязычий в функции характеристики персонажа.

Использование иноязычных интертекстуальных единиц в прогностической функции сближает автора с писателями-эмигрантами первой волны (см. Николаев, 2005; Тищенко, Фатеева, 2005).

К индивидуальным особенностям использования иноязычий можно отнести некоторые приёмы языковой игры, в частности – использование экзотизмов (мифические существа из античной и германской мифологий) в переносном значении.

Являясь важными компонентами языковой картины мира автора, иноязычия образуют с другими языковыми единицами комплекс, через который воспроизводится самобытное видение мира, отражается языковая личность писателя. Своеобразие языковой картины мира Б. Хазанова создает терминология иноязычного происхождения, введённая в художественную прозу, поскольку автору удаётся органично сочетать научное знание с художественным мировосприятием, что создаёт самобытную систему образного мироощущения.

К специфическим особенностям исследуемого материала можно отнести термины в эвфемистической функции.

К особенностям авторского словоупотребления относится калькирование иноязычных урбанонимов, что в языке других представителей третьей эмигрантской волны встречается редко. В процессе калькирования у некоторых русскоязычных единиц возникает дополнительное коннотативное значение, не свойственное исходному иноязычному эквиваленту, что позволяет усилить выразительную составляющую текста.

Авторскую индивидуальность формирует и параллельное использование, несмотря на очевидный контраст между иноязычием и русским контекстом, таких дополнительных графических средств, как капитализация, курсив, кавычки.

Самобытностью языка автора можно объяснить преобладание единиц с нулевой или частичной ассимилированностью к русскоязычному контексту и единичным использованием авторских производных от иноязычной лексики, ставших распространённым компонентом в языке других писателей-эмигрантов третьей волны.

Таким образом, можно заключить, что основные результаты работы свидетельствуют о классическом проявлении художественного мультилингвизма Б. Хазанова, который характеризуется высокой степенью речевого самоконтроля автора. Это сближает его творчество с творчеством писателей-эмигрантов первой и второй волн, выделяя на фоне эмиграции третьей волны. Вместе с этим словарь иноязычий в языке Б. Хазанова может стать отправной точкой для последующего лексикографического описания других единиц, формирующих индивидуальный стиль автора. Полученные результаты проведенного исследования составят материал словаря, что позволит сформировать достаточно полное представление об идиостиле писателя.

**Основные положения диссертации
отражены в следующих публикациях:**

Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Кожевникова, М.А. Цитаты в иноязычном облике / М.А. Кожевникова // European Social Science Journal. . – 2011. – № 7. – С. 146–153.

2. Кожевникова, М.А. Иноязычные вкрапления как компонент художественного текста / М.А. Кожевникова // Филология и человек. – 2011. – № 4. – С. 192–201.

3. Кожевникова, М.А. Иноязычные цитаты в художественном тексте / М.А. Кожевникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 4. Ч. 2. – С. 92–95.

4. Кожевникова, М.А. Иноязычные единицы как элементы языковой картины мира писателя / М.А. Кожевникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12. Ч. 1. – С. 106–109.

Статьи в сборниках научных трудов и в материалах научных конференций:

5. Кожевникова, М.А. Русский язык в международном пространстве / М.А. Кожевникова // «Бессмертие народа – в языке» – материалы Дней русской словесности в г. Красноярске. – Красноярск, 2010. – С. 169–190.

6. Кожевникова, М.А. Иноязычие в романе Б. Хазанова «Вчерашняя вечность» / М.А. Кожевникова // Всероссийская научно-практическая (заочная) конференция «Современная парадигма науки и образования». – Новосибирск, 2010. – С. 116–120.

7. Кожевникова, М.А. «Иные речения» в русской литературе XVII – XX вв. / М.А. Кожевникова // Восток – Запад: Пространство природы и пространство культуры в русской литературе и фольклоре: Сборник статей по итогам IV Международной научной конференции. – Волгоград, 2011. – С.133–139.

8. Кожевникова, М.А. Иноязычие в функции создания временного колорита / М.А. Кожевникова // Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 210 В.И. Даля. – Красноярск, 2011. – С. 122–128.

9. Кожевникова, М.А. Прагматика иноязычий / М.А. Кожевникова // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: стратегии развития языка, литературы, культуры в системе гуманитарного знания: Материалы VI Международной научно-практической конференции. – Абакан, 2011. – С. 129–131.

10. Кожевникова, М.А. Иноязычие как средство характеристики персонажа (на материале языка Б. Хазанова) / М.А. Кожевникова // Язык и социальная действительность. – 2012. – № 1–2. – С. 170–174.

11. Кожевникова, М.А. Иноязычие в функции создания национального колорита / М.А. Кожевникова // Диалог культур: Россия – Запад – Восток. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIII Кирилло-Мефодиевские чтения». – М. -Ярославль, 2012. – С. 54–57.

12. Кожевникова, М.А. Кальки в художественном тексте (на материале языка писателя-эмигранта Б. Хазанова) / М.А. Кожевникова // Язык – духовное наследие: Материалы Международной научно-практической конференции. – Красноярск, 2012. – С. 152–157.

13. Кожевникова, М.А. Термины в художественной прозе Б. Хазанова / М.А. Кожевникова // Язык и социальная действительность. – 2012. – № 3–4. – С. 191–197.

14. Кожевникова, М.А. Графическое оформление иноязычных элементов в художественном тексте (на материале художественной прозы писателя-эмигранта Б. Хазанова) / М.А. Кожевникова // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIV Кирилло-Мефодиевские чтения». – М.-Ярославль, 2013. – С. 43–48.

15. Кожевникова, М.А. Средства визуальной выразительности иноязычных элементов в художественной прозе (на материале языка Б. Хазанова) / М.А. Кожевникова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 3 (50). – С. 163–166.

16. Кожевникова, М.А. Морфологическая адаптация иноязычных элементов (на материале языка Б. Хазанова) / М.А. Кожевникова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 9 (56). – С. 169–171.

17. Кожевникова, М.А. Эвфемистическая функция иноязычий (на материале художественной прозы Б. Хазанова) / М.А. Кожевникова // Молодая филология – 2015. Языки и литература: Прошлое и настоящее: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-методической конференции молодых ученых (Пермь, 28 мая 2015 г.). – Пермь, 2015. – С. 158–160.

Участие в коллективных монографиях:

1. Кожевникова, М.А. Лингвострановедческие и исторические аспекты преподавания иностранного языка: монография / О.А. Алмабекова, А.В. Буденкова, М.А. Кожевникова и др. – Красноярск, 2015. – 164 с.